

МЫШЛЕНИЕ, СОЗНАНИЕ И СВОБОДА

К.А. Павлов-Пинус

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Замысел этого направления складывался, с одной стороны, коллективно, в дискуссиях между организаторами Центра, в обсуждениях чернового варианта Программы с потенциальными участниками. С другой стороны, сочетание роли участника и модератора, которая мне доверена, подразумевает необходимость заранее взять на себя ответственность за те рамки, в пределах которых будет идти полемика, за спектр выдвигаемых гипотез, и, по крайней мере, за часть предполагаемых результатов. При данных обстоятельствах мне показалось осмысленным разделить текст программы следующим образом. В разделах «Ключевые ориентиры» и «Гипотезы и ожидаемые результаты» изложить свою точку зрения и свои предположения. В разделе «Проблемный контекст. Пространство альтернатив» свести воедино и предельно кратко изложить те соображения, оценки и перспективы видения ситуации, которые стали продуктом коллективных обсуждений и которые формируют общность проблемного поля для целого ряда направлений исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Тему «Мышление, сознание и свобода» можно развивать многими способами. Для начала я просто укажу три основных вектора, которые *мне лично* представляются самыми насущными для современных споров по данной теме.

Проблема 1. Тематизация сознания в горизонте мышления и философской логики.

Проблема 2. Не-объективируемость понимания.

Проблема 3. Свобода и условия ее возможности.

С той точки зрения, которую буду отстаивать я, все три грани проблемы сознания являются глубиннейшим образом связанными. Логике этой связи и способы разрешения возникающих трудностей мне и хотелось бы обозначить в Программе а затем детально развернуть в дальнейших исследованиях.

Однако для начала следует обратиться к достаточно широкому проблемному контексту, который не только прояснит смысл моей позиции, но и обрисует ряд альтернативных точек зрения.

ПРОБЛЕМНЫЙ КОНТЕКСТ. ПРОСТРАНСТВО АЛЬТЕРНАТИВ

По своему замыслу, *Центр философии сознания и когнитивных наук* – это пространство диалога разных подходов к пониманию сознания.

Это автоматически подразумевает, что словосочетание «философия сознания» должно толковаться в самом широком смысле: задачей Центра является подключить к сотрудничеству/соперничеству/дружеской конкуренции все возможные способы *философской* тематизации сознания.

Такая задача осуществима только при наличии общего проблемного поля, точнее, целого семейства проблемных областей, лежащих на пересечении конкурирующих подходов. Сама ситуация, таким образом, подсказывает осмысленность *проблемно-ориентированного подхода* к изучению сознания, с учетом всего разнообразия

содержательных проблемных узлов, заданных конкретными исследовательскими контекстами.

Можно выделить несколько крупных блоков, задающих разметку проблемного поля:

сознание – язык	сознание – смыслоформирование	сознание – интуиция
сознание – мышление	сознание – рациональность	сознание – свобода
сознание – коммуникация	сознание – (само)понимание	сознание – познание
сознание – психика	сознание – бессознательное	и мн.др.

Принципиально важно отметить, однако, что эти блоки не являются изолированными друг от друга: их взаимосвязь представляет собой подвижную концептуальную сеть, изменение одного узла которой приводит к неременному изменению как соседних узлов, так и всей сетевой конфигурации в целом.

Поэтому широко обсуждаемые вопросы *историчности* сознания, *социальной и культурной обусловленности* событий понимания, *субстанциальности* сознания, *редуцируемости/нередуцируемости* сознания, *моделируемости/немоделируемости* сознания теоретическими или даже компьютерными методами (и т.д., и т.п.) оказываются неизбежно связанными друг с другом.

Такое положение дел как раз и говорит о необходимости создания Центра, – в прямом смысле этого слова, – способного послужить местом координации, взаимного учета подходов и их конструктивной взаимной критики.

Сознание, заметим, и *само по себе* – т.е. и как феномен, и как предмет исследований – является «центром», вбирающим в себя всё многообразие форм взаимодействия человека и мира, все формы исследовательской активности и человеческого самопонимания. Это обстоятельство вынуждает поставить вопрос: правомерно ли ожидать от какого-то *одного* теоретического подхода – например, от идеи «объяснения» – того, что на *все* вопросы, которые можно адресовать феномену сознания, можно ответить «методом» объяснения? Верно ли, что *увеличение понятности* исследуемого феномена исчерпывающе достигается непременно одним из существующих методов: моделирования, объяснения, прогнозирования (и т.п.)?

Или же *когнитивному и феноменальному многообразию* самого сознания должно соответствовать и *нередуцируемое* многообразие способов его тематизации?

Возникает и другой вопрос: правомерно ли думать, что понимание «природы» сознания исчерпывающе дается *теоретически отстраненному* (от исследуемого феномена) взгляду? Не осмысленно ли предположить, что сознание, исследуя самое себя, является не только (неизменным) субъектом само-осмысления, но и активным участником этого процесса? Участником, который *меняется* по ходу проводимых исследований. Ведь сознание – это и экспериментатор, и поле для экспериментов, и интерпретатор, и субъект обновленных форм (само)понимания.

Продолжая этот ход мысли, следует спросить: всегда ли т.н. «объективные данные» о сознании являются просто *предикатами* такой «вещи» как «сознание»? Если это так, то ничего кроме чисто количественного увеличения объема знаний о сознании наука и философия не могли бы нам дать. Но это противоречит наблюдаемому развитию: ход истории мысли *изменяет* сознание, формы его активности. Значит, по крайней мере некоторые, «объективные данные» о сознании нужно трактовать *операционально*, т.е.

понимать их как *инструменты* и/или *инструкции*, следование которым приводит ко всё новым и новым формам бытия-в-сознании.

Последнее предположение приводит к необходимости учитывать еще одну важную тему: *открывающе-скрывающий* характер бытия-в-сознании. Мир, открытый, например, арабскому мышлению, самой своей фактичностью скрывает от (самого себя) возможность иных форм открытости мира (скажем, европейских). Сознание, одержимое идеей естественнонаучного постижения вещей, может оказаться закрытым для иных форм теоретизирования и понимания. Речь идет не просто о разных ментальностях и/или пространствах специализированного знания; проблема здесь в том, что бытие-в-сознании может определяться совершенно разными *идеями понимания*, смыслами понятности, и – если смотреть еще глубже – разными *логиками* смыслоформирования.

Всё вышесказанное говорит о продуктивности позиции *конструктивного семантического трансцендентализма*, как одном из возможных подходов к изучению природы сознания. Смысл – это главный посредник между человеком и миром, между человеком и человеком. Но смысл – это не вне-временное «сияние сути» вещи, и не нечто существующее само по себе, изолированно как от других смыслов, так и от «мира». Смыслы формируются, трансформируются и рас-формируются – и это совершается только в рамках целостных систем смыслополагания, каждая из которых порождается своей, особой логикой, пронизывающей собою все соответствующие формы осмысленной деятельности. Такие целостные системы называются культурами. А культур, и соответствующих способов разворачивания культуры может быть *много*. Всё это вместе – важнейшая философская проблема, допускающая несколько несводимых друг к другу подходов к ней.

Одновременно с идеей трансцендентализма, тянущего за собой нередуцируемую множественность способов бытия-в-сознании, с неизбежностью появляется идея свободы. Тема свободы не есть нечто привходящее, случайное для понимания устройства связки «сознание-мышление». Феномен свободы является необходимым звеном, логически замыкающим в осмысленное целое само предприятие *рационального постижения* сознания, мышления и их (взаимных) условий возможности. Обоснование взаимосвязи цепочки «сознание-свобода-мышление» как раз и представляет собой смысловое средоточие предлагаемой программы исследований.

ГИПОТЕЗЫ И ОЖИДАЕМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Вернемся теперь к тем идеям и гипотезам, за которые я готов нести личную ответственность в рамках погружения в тему «*Мышление, сознание и свобода*». Как я сказал выше, ключевыми проблемами считаю следующие три вопроса: тематизация сознания в *горизонте мышления и философской логики*, проблема *не-объективируемости* понимания и проблема *свободы*. Постараемся коротко расшифровать смысл этих утверждений.

ТЕМА 1. Сознание в горизонте мысли

Почему сознание нуждается в *мышлении* – чтобы *быть сознанием*?

Начнем с иллюстративной аналогии. Можно ли осмыслить полноту человеческой природы, изучая лишь среднестатистические данные о среднестатистических «представителях» человеческого рода? Или же необходимо включить в поле зрения фактическое, историческое (и т.п.) разнообразие *предельных форм* взлётов и падений человека? При всей очевидности положительного ответа на последний вопрос, следует дополнительно спросить вот еще что: являются ли эти человеческие «пределы» простым

эпифеноменом повседневной жизни и лишь крайними ее проявлениями, или же саму «природу» этих пределов нужно мыслить через какие-то иные, *дополнительные* категории? И верно ли говорить об этом в терминах «пределов»? Не о *за-предельных*, *транс-граничных* ли *событиях* тут идет речь?

Вопрос о нужде сознания в мышлении именно этого рода.

Смысл данного поворота таков: феномен мышления следует понимать из горизонта его *возможной автономии* по отношению к сознанию; автономии, позволяющей *переопределять* самый смысл «сознательности сознания». «Возможной» здесь означает – не гарантированной.

Чтобы более основательно развернуть этот аспект, подойдем к обсуждаемой теме с другого конца, со стороны перечисления существующих – необходимых, но, на мой взгляд, *не достаточных* – подходов к сознанию.

Современная философия, в своем движении к проблеме сознания, акцентирует внимание преимущественно на двух направлениях. Во-первых, это движение «снизу», от физики, биологии и нейрофизиологии – к сознанию. И во-вторых, движение к пониманию сознания из «горизонтальных связей», из того, что можно было бы назвать собственным окружением сознания – из жизненного мира, из способов повседневного бытия.

Постараемся понять, в чем ограниченность обоих подходов.

Подход к сознанию «снизу».

При движении к сознанию «снизу», отчетливо проступают две проблемы.

Проблема 1. Поставим такой вопрос: на чем покоится идея попытки понять сознание – из чего-то вне-сознательного?

В порядке иллюстрации перефразируем вопрос: в каком смысле, например, можно ожидать прояснения проблемы *смысла* слова, заранее решив, что в своем объяснении нужно исходить исключительно из тех (бессмысленных) букв, из которых оно состоит? Основания такого рода ожидания отнюдь не очевидны.

Возникает законное сомнение: при движении «снизу», не проходят ли мимо вопроса о том, какой смысл мы придаем *опыту бытия-в-сознании*, и *откуда* этот смысл берется? Если задать редуccionисту-нейрофизиологу вопрос «Зачем Герасим утопил Муму?», то он, по идее, должен был бы прийти в замешательство: ни у Герасима, ни даже у Мумы не было нервной системы. Они суть литературные персонажи, и логика их поведения – это *автономная* по отношению к нейрофизиологии логика поведения литературных героев. Попытка апелляции к процессам в мозгу у И. Тургенева, или к мозговым процессам у спрашивающего, или же к нейрофизиологии некоего «усредненного» Герасима, топящего «среднестатистическую» Муму, будет лишь демонстрацией непонимания *смысла* задаваемого вопроса, т.е. это будет не ответом на поставленный вопрос, а лишь коммуникативным сбоем.

Вопрос автономии смысла, стало быть, требует особенного внимания в данном контексте.

Проблема 2. Если проблему, описанную выше, можно рассматривать как «внешнюю» по отношению к самой концепции *объяснения* сознания его вне-сознательными конститuentами, то вторая проблема, о которой сейчас пойдет речь, уже заведомо является «внутренней». Дело в том, что основополагающие понятия, которыми активно пользуются сторонники редуccionизма, -- «физическое», «физиологическое», «нейрофизиологическое», «мозг» и т.п., -- являются логически не продуманными. Ими пользуются так, как если бы было заранее понятно, о чем идет речь. Аналогичная ситуация наблюдалась в математике, более 100 лет назад, когда ее фундамент мирно покоился на чисто интуитивных основаниях. К примеру, считалось интуитивно очевидным думать, что любая *множественность* автоматически подпадает под *понятие* «множество». Это

оказалось *логически* неверным. Существуют совокупности, являющиеся не-множествами – и здесь нет никакой мистики. Следуя этому уроку, логично предположить, что и не все конstellации, скажем, «физического» должны непременно давать нечто «физическое» же. До тех пор, пока отсутствует логический анализ фундаментальных понятий, которыми оперируют науки о сознании, в философии сознания будут царить двусмысленность и концептуальная неразбериха.

Резюмируя сказанное, можно утверждать – в качестве гипотезы – следующее: при данном подходе происходит подмена вопроса о существовании сознания вопросом о том, каковы физиологические условия его возможности и *как работают* процессы, реализующие физиологическую поддержку бытия-в-сознании. Непродуманность базовой терминологии только усугубляет обозначенную проблему. Не случайно именно здесь появляется т.н. *body-mind problem*. На мой взгляд, правильнее было бы назвать эту апорию *body-mindless problem*, поскольку идея тематизации сознания в «низкоуровневых» терминах, которые *изначально не предназначались* для этой цели, скорее всего, является принципиально неосуществимой; причем, приблизительно по той же причине, по какой второпорядковую логику нельзя охватить логикой первой, или, например, свести всю математику к арифметике и теории множеств.

Подход к сознанию из горизонтальных связей.

Рассмотрим теперь вторую возможность, активно разрабатываемую сегодня. Рассуждения феноменологического типа позволяют поставить вопрос значительно более содержательно. С этой точки зрения, смысл того предмета (сознания), который предполагается исследовать, уже оказывается представленным *внутри* выстраиваемой теории. То, о чём должна идти речь, является внутренней отправной точкой теоретического движения. При «горизонтальном подходе», сознание фактически оказывается главной причиной самого себя (*causa sui*). Интенциональная «природа» сознания ниоткуда не выводится; она является базовой предпосылкой, без которой невозможно прояснить суть сознания. Здесь, понять сознание наиболее полным образом можно лишь понимая работу исполнения интенций, заранее предусмотренных его «природой».

В отличие от движения к сознанию «снизу», с доминирующим там акцентом на *объяснении*, в горизонтальном движении господствуют две иные *фигуры понимания*: а) идея герменевтики фактического бытия-в-сознании, и б) идея слияния горизонтов. Это значительно более адекватные «инструменты» прояснения.

Тем не менее, и этих средств недостаточно для наиболее полного понимания «сути» сознания. Мое возражение таково: при данном подходе теряется *автономия* мысли. А вместе с этой потерей, мышление оказывается редуцируемым к механизмам, отвечающим за жизнь сознания, его повседневное копошение. Мышление оказывается эпифеноменом сознания, не играющим решающей роли при формировании сознания в его сознательности.

Можно обоснованно утверждать, что такой вывод кардинально противоречит роли «предельного» мышления (мышления, затрагивающего предельные основания своей собственной так-определённости) в истории человечества. История человеческой мысли – это история постоянных *трансформаций интуиций*, история *революционных (а не просто эволюционных) сдвигов*, происходящих на микро-, мезо- и макроуровнях. Это история событий, нарушающих благодушную симметрию между прошлым и будущим, т.е. история событий, принципиально расширяющих горизонт человеческого понимания и вносящих непрогнозируемые разрывы в его конфигурацию.

И главное здесь то, что обсуждаемые трансформации и революции – во всех известных донныне случаях – всегда опосредовались *логическими фигурами движения мысли*, которые *изобретались*, а не были чем-то просто синтезированным из материала, доставляемого культурной инерцией. В этом смысле можно сказать, что они изобретались из «культурного ничто», поскольку в основе новаторских изобретений лежат механизмы,

не свойственные данной культуре. Наоборот, сами эти механизмы в дальнейшем превращаются в культууроформирующие принципы.

Но тогда необходимо спросить: как возможна трансформация интуиций? Чем она обусловлена и чем движима? Является ли она в конечном итоге причудливой ризомой, игрой спонтанностей, или же этим движением дирижируют иные – верховные – силы и инстанции?

Вместе с этими рассуждениями мы как раз и приближаемся к возможности еще одного подхода к сознанию: *подхода «сверху»* - т.е. из перспективы тех «лабораторий», где выковываются культурупорождающие формы мышления. Среди ключевых вопросов здесь оказывается вопрос о логике предельных переходов, логике трансдукции.

ТЕМА 2. Не-объективируемость понимания

Одним из камней преткновения современной философии сознания является вопрос соотношения *натуралистических моделей* когнитивных процессов – с такими вещами как качественный опыт, телесный опыт и опыт «предельного» (революционного, новаторского) мышления. В рабочем порядке я буду называть это *не-объективируемыми конституентами* полноценного человеческого понимания.

С развитием ИИ-технологий вопрос о статусе (предположительно) не-объективируемых компонентов заострился до своей предельной остроты: действительно ли подобные конституенты существуют и являются *принципиально* не-объективируемыми, или же процесс их объективации (и последующего моделирования) есть просто вопрос времени?

Но что такое «не-объективируемое»? Как его можно мыслить? Как работать с ним теоретически? Как можно иметь с ним дело intersubъективно значимым образом? Ответ на эти вопросы можно сформулировать в виде гипотезы:

Гипотеза: в пределах философии сознания понятие *не-объективируемого* играет ту же роль, что и понятие *бесконечности* – в математике.

Если аналогия, высказанная в гипотезе, правомерна, то весь богатейший арсенал математических средств, позволяющих работать с бесконечностью, может быть использован в качестве ориентира, с оглядкой на который философия сознания смогла бы создать нечто подобное и на своей территории.

Обратим внимание на одно удивительное обстоятельство. Как правило, выразимость чего-либо на языке математики принято считать симптомом редуцируемости рассматриваемого предмета, например, к физике или какой-то иной естественной науке. Однако, подобная интерпретация мне кажется очень странной. Наоборот, неограниченное (хоть и чисто формальное) богатство математического языка можно, и нужно использовать *ровно для обратных целей*: формальное богатство математических различий вполне способно «схватить» те сущностные черты многоуровневых онтологий, которые связаны с причинами *не-редуцируемости* одних уровней к другим. Примеров *доказательной* нередуцируемости много в самой математике.

Покажем теперь, в чем может заключаться сущность аналогии между бесконечностью в математике и не-объективируемостью в философии сознания.

В математике с бесконечностью невозможно иметь дело «напрямую», перетащив ее в тот «конечный» фрагмент математического языка, с которым фактически работает математик. С бесконечностью имеют дело иначе: а) через *локализацию* тех точек и мест,

которые «уходят» в бесконечность (подобно локализации черных дыр в космосе), б) через *аппроксимацию* с любой степенью точности (а также другими методами).

Помимо прочего, бесконечное «само по себе» можно ввести в математический язык аксиоматически. Но это делается не из иррациональных догматических соображений, а потому что без бесконечности просто не существует значительного сегмента математики. Таким образом фактически обосновывается «существование» бесконечности в математике, и мы получаем возможность лишней раз убедиться в правоте Г.Вейля, что «математика – это наука о бесконечном».

Итак, если наша гипотеза осмысленна, то у нас есть основание считать, что благодаря методам, аналогичным математическим, можно будет в достаточной степени доказательно говорить и о неоправданном исчезновении существенной части «человеческой» семантики, *если* из нее удалить то, что в ней генетически связано с телесностью и качественным опытом в целом. Это позволит, в частности, говорить о нефизическом не в некоем мистическом или дуалистическом смысле, а в том же смысле, в каком в математике многие совокупности являются не-множествами, а помимо счетных бесконечностей бывают еще и не-счетные бесконечности.

Научившись правильно понимать теоретическую и практическую роль не-объективируемых компонентов сознания/мышления/понимания, мы получим значительно более точное и полное представление о сути сознания, и о смысле (точнее, разных смыслах) сознательности сознания. Фактически, тут идет речь о дискурс-анализе объективирующих наук и обосновании недостаточности их выразительных средств для тематизации таких вещей как «мыслящее сознание» и «сознающее мышление».

ТЕМА 3. Проблема свободы

Тема свободы связана со всем, что сказано выше, довольно просто: сознание несет в себе *потенцию* свободы, а рационально разворачивающееся мышление оказывается единственным *способом актуализации* свободы.

В силу того, что сознание, вне его установки на воплощение в мысли, является неполноценным ни как феномен, ни как предмет исследования (это наша основная гипотеза из *Темы 1*), мы должны будем признать, что вопрос о существовании сознания оказывается неразрывно связанным с вопросом о существовании свободы.

Чтобы обосновать (или опровергнуть) наш тезис необходимо углубиться в понятие свободы и ряд сопряженных с ним концептов.

Поскольку не существует согласия относительно того, что именно надо понимать под свободой и существует ли она вообще, то мне придется на свой страх и риск попытаться ответить на следующий вопрос: за какого рода феноменами *желательно было бы* закрепить термин «свобода»?

Сформулируем три критерия, которые могли бы служить индикаторами того, что мы имеем дело именно со свободой, а не с чем-то еще.

K1) К существованию свободы принадлежит то, что, с одной стороны, это есть нечто противоположное своеволию, произволу и тем более слепой спонтанности, а с другой стороны – она есть нечто противоположное всему тому, что есть результат *пред-*определенности.

K2) Словом «свобода» маркируется способность актора быть *автором* (субъектом) «своих» действий, позволяющая нести/вменять за них ответственность.

K3) Свобода не бывает слепой. Невозможно быть «бессознательно свободным». Свобода – это модус само-понимания, имеющий характер *осознанной* ценностной установки.

Если мы примем в качестве отправной точки эти три критерия, то можно поставить теперь следующий вопрос: какого типа феномены могут подпадать под заявленные критерии свободы? Какова «природа» свободы?

Представляется продуктивным обратить внимание на два существенно разных типа понимания свободы.

(А) Первый вариант («мистический»). Свобода – это «черный ящик», внутрь которого невозможно заглянуть; это умная, но нерационализируемая спонтанность, которая, однако, каким-то чудом «на выходе» продуцирует нечто и вменяемое, и принципиально новое одновременно. Такого типа феномен мог бы удовлетворять всем перечисленным выше критериям, но при этом навсегда оставаться чем-то таинственным, совершенно не познаваемым.

(Б) Второй вариант («конструктивный»). Всякий феномен, достойный называться «свободой», фактически складывается из двух конститuent: во-первых, из особых *рациональных схематизмов* и, во-вторых, из особой *ценностной конфигурации*, позволяющей отличать свободу от произвола, своеволие от слепой спонтанности и случайности, рациональность от правилосообразности.

В качестве рабочей гипотезы я буду отстаивать именно вторую точку зрения на свободу. Если она подтвердится, то мы получим в руки рецепт теоретического (и возможно даже компьютерного) моделирования свободных процессов/действий. Если нет, то обоснованность провала конструктивистского проекта будет одновременно играть роль (частичного?) обоснования истинности первого смысла понимания свободы (т.е. свободы как «черного ящика»). Таким образом мы не просто догматически примем одну из точек зрения, а *покажем причину* (не)редуцируемости свободы. В случае неудачи конструктивистского проекта человеческую свободу можно будет обоснованно понимать как некую «бесконечность», как не-объективируемую конституенту человеческой экзистенции.

Реализация этого плана требует серьезной ревизии ряда фундаментальных понятий (таких как рациональность, виртуальность, моделирование, и т.п.). Нам придется взять на вооружение понятия *автономной рациональности*, *виртуальной онтологии*, *моделей поведения 1-го и 2-го уровней*, *семантической информации* и др.